

Ранения Камидзе оказались более серьёзными, чем он думал.

Он по кусочкам собирал воспоминания о произошедшем.

Он потерял сознание в «Свадебной Капелле»... Индекс подбежала, кричала ... Его отправили на машине скорой помощи ... Административные вопросы заняли довольно много времени, прежде чем его перевели на экстренное лечение ... В конце концов его вернули обратно в Академ Сити... Доктор с лягушачьим лицом предстал перед ним ... Когда он проснулся, то уже лежал на мягкой кровати.

«...И снова больничная палата. Тьфу, это ужасно; можно догадаться, что я в палате даже по запаху...»

Камидзе держал глаза закрытыми, размышляя над этим, прежде чем внезапно почувствовал кого-то рядом. Он услышал нежный вздох. Теплая и мягкая рука поглаживала его челку.

- Хотя Цучимикадо будет надо мной смеяться...

Раздался голос.

- ...Я действительно хочу сделать это.

В голосе читалось сомнение. Рука, которая поглаживала его челку, исчезла, как и её тепло.

Камидзе открыл свои тяжелые веки.

- Хм? Канзаки?

- Ах ... ты не спишь? Я собиралась уйти.

Голос Камидзе, казалось, ошеломил Канзаки, так как она слегка попятилась. Девушка сидела на металлическом стуле, предназначенном для посетителей, и, похоже, она пристально смотрела на Камидзе.

Камидзе сел на кровать и покачал головой, пытаясь не уснуть.

Казалось, что сейчас ранее утро. Свет в комнате не включили, поэтому было немного темно. Утреннее солнце светило сквозь окно, словно сквозь щели между листьев дерева. На столике рядом с ним стояла коробка с, вроде бы, хорошими вкусами и лист папиросной бумаги. Камидзе продолжал осматриваться.

Канзаки уже встала с металлического стула. Похоже, она не собиралась задерживаться.

- ...Ох...

Заспанный разум Камидзе похоже начал раскошегариваться. Присмотревшись ближе к Канзаки, Камидзе заметил, что наряд той никак не изменился. Короткая футболка с завязанным узлом внизу, раскрывающая ее пупок; и джинсы с одной срезанной стороной, обнажали ее бедро. Поскольку футболку подтянули узлом, ее груди были намного более заметны. Можно было видеть ее белоснежную ногу от бедра и до самой икры. Хотя Камидзе чувствовал, что наряд горяч, он не осмелился высказать это, потому что получил бы, как только сказал. Он быстро отвел взгляд, увидел записку на столе и прочитал ее:

«Так как ты еще спишь, я просто оставлю сообщение...»

Прежде чем он успел закончить первое предложение, Канзаки с удивительной скоростью выхватила записку со стола. Это был бы невероятный новый рекорд, если бы это было соревнование. Лицо Канзаки покраснело, когда она огляделась, вся вспотевшая, и быстро смяла небольшую записку.

- Это ... это ничего важного! Поскольку у нас есть возможность поговорить друг с другом, эта записка не нужна!

- Эм? Но...

- Никаких но! Рассказывать содержание записки, когда написавший здесь перед тобой, очень смущает.

Канзаки хотела бросить записку, теперь раздавленную в шар, в мусорный ящик. Она подумала об этом и решила оставить её в кармане. Камидзе стало любопытно, что она написала, и от чего нельзя это увидеть. Канзаки положила руку на грудь, глубоко вздохнула и обрела первоначальное выражение лица.

- Твоё ... тело в порядке?

- Ну как сказать...? Онемение не полностью исчезло, и я не совсем уверен, где мне больно.

- Мне очень жаль. Хотя у Амакусы есть заклинания, которые восстанавливают здоровье человека путём приёма пищи, они бесполезны для тебя.

- Почему ты должна извиняться? Теперь, когда ты упомянула это, есть такие вещи, как суши и гамбургеры, и если их есть они могут лечить раны? Амакуса действительно удивительны; прям как в какой-то РПГ игре?

- Эм...?

Канзаки это озадачило, она дала поверхностный ответ.

- О, да, где Стейл?

- Он уже покинул Академ Сити. Он не хочет оставаться в городе, где не может купить сигареты. Он ворчал мне давным-давно, что Академ Сити очень строг в отношении возраста, когда дело доходит до покупки сигарет.

Камидзе пробормотал глубоко внутри. Так и должно быть.

- Разве ты не можешь купить их ему?

- Мне всего восемнадцать лет; Я не могу.

...

- Чего? Что ты пытаешься сказать?

- Врунья! Ты подделала свой возраст, верно? Как на тебя ни посмотри, ты уже прошла брачный возраст - БАААААА!

Прежде чем Камидзе успел закончить, сверхзвуковой стальной удар Канзаки пролетел мимо его лица. Будучи совсем не способным реагировать, Камидзе испугался, но выражение лица Канзаки ничем не отличалось от обычного.

- Мне восемнадцать лет.

- Восемнадцать?! Ты ученица старшей школы, которая, наконец, может их купить! Канзаки-семпай!

Камидзе, чьи зубы всё ещё стучали, едва выдавил улыбку. Канзаки вздохнула и отвела кулак. Она казалась довольно уставшей.

- ...Похоже, мне стоило уйти после написания этого сообщения. Мы никогда не перейдем прямо к делу, если будем продолжать в том же духе.

- К делу?

- Да, или стоит назвать это заключительным отчетом... Я хочу рассказать тебе о текущем состоянии Орсола Аквинас. Послушаешь?

- Да! Я очень заинтересован!

Камидзе выпрямился, отвечая без каких-либо колебаний. Канзаки вздохнула, увидев, что он так паникует.

- Орсолу Аквинас и Амакуса приняли в члены Англиканской Церкви; На этом ситуация разрешилась. Преимущество этого состоит в том, что они будут защищены от любого заговора мести или убийства со стороны Римской Католической Церкви.

Камидзе думал об Агнессе и других монахинях.

- Другими словами, Орсола все еще в опасности, верно?

- Нет, может показаться, что Римская Католическая Церковь не собирается уходить, но в глубине души они больше не заинтересованы в ней, потому что Англиканская Церковь объявила миру, что Орсола нашла «неправильный способ расшифровки книги». Как только все узнают, что ее способ расшифровки неверен, никто не будет беспокоить ее по поводу Книги Закона.

Другими словами, если бы Орсола действительно нашла правильный способ расшифровки Книги Закона, она не смогла бы жить спокойно. Может быть, оно и к лучшему. Пока он размышлял над этим, Камидзе прошиб холодный пот.

- Хм. Однако ты сказала, что Амакуса стали членами Англиканской Церкви?

- Ага. Хотя местоположение главной базы Амакуса все еще в секрете, в любом случае нет никакой пользы в том, чтобы противостоять Римской Католической Церкви. На самом деле, они как будто надеялись на это развитие. Например... ты помнишь ту белую футболку, которую носил Татемия Сайджи? На ней наклонённый красный крест.

- ...Разве? Теперь, когда ты упомянула об этом, что-то такое припоминаю.

- Верно. Этот красный крест Святого Георгия, символ Англиканской Церкви. Носить эту рубашку в бою, значит, что он хочет присоединиться к Англиканской Церкви вместе со мной. В тот раз я приказала им не следовать за мной.

- Точно... Кроме того, ты англиканка. - Камидзе посетовал.

«Действительно», - пробормотала Канзаки.

Она выглядела как мать, которая видела, что ее ребенок не может самостоятельно встать; просто она сама никогда этого не испытывала.

- Тем не менее, тебя это устраивает? Несмотря на то, что Амакуса малы, они все еще религиозная секта. Теперь, когда они приняты Англиканской Церковью, разве это не напоминает маленькую компанию, поглощенную большой?

- Хотя Амакуса поглотила Англиканская Церковь, им не нужно отказываться от своих кодексов и учений. Как феодал, позволяющий генералу держать фракцию, «Церковь Амакуса» все еще может существовать. Амакуса также является многоконфессиональной группой, которая может скрываться в самой истории и меняться в зависимости от возраста. Они никогда не привередливы в ритуалах; пока могут сделать свою жизнь более удобной, они могут работать в любых условиях.

Если задуматься, Канзаки изначально отказалась от своей должности лидера этой маленькой секты, чтобы защитить их. Если подумать, она была действительно удивительным человеком. Хотя она сказала Камидзе, что ей восемнадцать лет, восемнадцатилетний - это уже взрослый.

Как раз тогда, когда Камидзе случайно подумал об этом, Канзаки неожиданно поклонилась ему.

Это был не простой кивок, а глубокий поклон. Она заявила:

- Эмм... Это ... что случилось в этот раз ... Прости.

- А... Э? Что? Почему ты кланяешься мне? За что извиняешься?

Камидзе только что проснулся, поэтому его разум был довольно туманным. Ему казалось, что это страшно, когда «девушка кланяется тебе», как будто он совершил нечто чрезвычайно злое.

Канзаки запинаясь, что было довольно редким зрелищем:

- Это ... это ... то, что произошло ... из-за некоторых личных вопросов ... Я доставила тебе неприятности...

Казалось, что Канзаки не привыкла говорить нечто подобное, так как она выглядела так, будто не знала, что делать. Камидзе, который все еще был ошеломлен, вообще не понимал, что происходит; все, что он знал, это то, что Канзаки казалась обеспокоенной, поэтому он сказал:

- Ах, прости, Канзаки. Я сделал что-то, что тебя беспокоит? Если это так, позволь мне извиниться за это.

- Нет, не в этом дело. Мне будет еще более стыдно, если ты извинишься передо мной. Эх, лучше, вернемся к исходной теме; в любом случае, это...

Канзаки выглядела так, словно не могла открыть рот, ее пальцы продолжали играть с ее челкой. Она заикалась, не в силах ничего сказать.

Через некоторое время Канзаки, наконец, приняла решение и собиралась открыть рот. В этот момент дверь палаты кто-то грубо открыл.

Этот высокий парень, который рано утром вошел в больничную палату, не постучав в дверь, был одет в гавайскую рубашку и синие шорты.

Цучимикадо Мотохару.

Он держал пластиковый пакет и размахивал им. В нем, казалось, лежали подарки для посещения больницы.

- Хо-хо-хехехе-! Ками-ян, я пришел поиграть с тобой! Одна целая медовая роса слишком дорогая, поэтому я купил эти роскошные пудинги в магазинах с медовой росой на них! Прими их, хорошо?

Камидзе отвел взгляд от Канзаки к Цучимикадо.

- О! В школу через несколько часов; ты не планируешь спать? Ах, прости, Канзаки. Ты хотела что-то сказать?

- Гм...

Когда Камидзе спросил это, Канзаки казалось испугалась. Она краем глаза уставилась на Цучимикадо, как бы намекая: «Мне сказать это прям перед ним? Почему этот парень так не вовремя припёрся сюда?»

Цучимикадо, который был остро чувствителен, сразу почувствовал, что атмосфера стояла неправильная, и сказал:

- Воу воу! Нээ-чин, ты, наконец, планируешь сказать спасибо Ками-яну? Дай угадаю: это очередное клише, не так ли? Если это не «Трудно забыть о вашей милости», то тогда «Я не забуду этого даже после смерти», верно? А, а?! Ха-ха-ха-ха! Думаешь, что ты лебедь, который показал благодарность, как в сказке?

- Нет... ни за что! Кто сказал бы такую вещь этому мальчишке, который жизни то не знает!?

- ...Не знает жизни... мальчишка...

Камидзе это задело, и он опустил голову.

Канзаки была шокирована и быстро поправилась:

- О, нет! Я не имею в виду, что... это заявление должно было заставить Цучимикадо отказаться от своих нелепых комментариев ... но что касается благодарности... хм ...

- Зачем говорить так много? Кроме того, разве Нээ-Чин не разденется?

- Что... что «разденется»? Кто будет делать такие вещи?!

- А? Тогда косплей в любом костюме, чтобы показать свою благодарность? Какая жертва!

- Заткнись! Это из-за твоей несвоевременности, ситуация стала настолько сложной!

Камидзе не был вовлечён в это, когда увидел, как они ссорятся. В этот момент Камидзе подумал о нелепой вещи.

«...Она оденет что-нибудь, чтобы выразить свою благодарность? Не... ни за что! Канзаки выглядит действительно серьезно! Я не могу шутить в такой ситуации! Хватит думать о Канзаки, как о сестрице в этом милом купальнике, который Индекс носила на берегу моря! Лучше избавиться от этой идеи!»

- ...Ты в порядке? Почему я чувствую сильную ауру от тебя?

- Ничего страшного! Как мужчина, я точно не куплю такую книгу! Я, Камидзе Тоума, не собираюсь опускаться так низко!

- Чего?

Канзаки пребывала в замешательстве, наклонив голову, задаваясь вопросом, как ответить. Цучимикадо, однако, цинично улыбнулся, сказав:

- Хо-хо-хо! Скажи это, что ты хочешь? Отдохнуть на ножках Нээ-чин? Позволь мамочке нээ-чин почистить тебе ухо? Или ты хочешь, чтобы Нээ-чин сделала бенто?

- Ни слова больше! Это не случайный разговор между мужчинами! Не говори, что мне нравится перед девушками!

- Цучимикадо, хотя я не уверена, что происходит, но, если ты останешься здесь, то состояние пациента ухудшится. Можешь пожалуйста уйти?

- Ах, хочешь побыть с ним наедине? Что ты хочешь сделать? Не говори мне, что это...!

Глаза Цучимикадо засветились.

- Нээ-чин хочет сделать яблоко в форме кролика и аккуратно скормить его Ками-яну? Извини, я этого не заметил, виноват!

- Да нет! Прошу тебя, перестань делать случайные догадки и стыдиться!

- Ах, или ты собираешься кормить его своим ртом? Однако, хотя об этом приятно думать, это отвратительно, когда кто-то действительно делает это.

- Достаточно! Хватит! Исчезни!

Интересно, что скажет Татемия Сейджи, когда услышит это? Устроив такой вот беспорядок в палате, Цучимикадо выбежал из комнаты, смеясь.

В одно мгновение в больничной палате утром стало очень тихо.

Канзаки задыхалась от гнева. Наблюдая за ней сзади, Камидзе все время дрожал, думая:

«О, Цучимикадо, Цучимикадо, может быть, ты намеревался поднять настроение, сказав эти слова, но вот зачем убежал, сказав все это?»

- Эм... это... Канзаки-Сан? Могу я кое-что сказать?

- ...С чего вдруг такое почтительное обращение?

- Эта благодарность или спасибо... это всего лишь шутка Цучимикадо, верно?

Камидзе боялся быть неистово отчитанным Канзаки, как случилось с Цучимикадо, и чувствовал себя действительно напряженным. Но Канзаки запнулась,

- Но... У меня нет другого выбора... Защита обычных граждан, таких как ты, должна быть нашей обязанностью ... но мы в итоге позволили тебе получить травму. Я понимаю, что это не та проблема, которую можно решить одним глубоким поклоном. Потому...

Канзаки становилась все более расстроенной, чем больше она говорила, ее голос становился все мягче и мягче. Она снова играла пальцами с чёлкой. Возможно, она привыкла так делать, будучи расстроенной. Затем, казалось, что она, наконец, не может этого выносить, поскольку она грубо схватила себя за волосы и вздохнула. Камидзе думал, что это действие напоминает то, как автор комкает бумагу со сценарием и выбрасывает её в мусорный ящик; было что-то похожее на это.

Для Камидзе любой, кого все еще беспокоила ситуация, даже после того, как она закончилась, например, Канзаки, служил причиной его головной боли. Если бы это был безответственный Цучимикадо, он, вероятно, сказал бы: «Извините, что беспокою вас, пока». Камидзе действительно предпочитал такую простоту. Жаль, что совесть у Канзаки слишком сильная, поэтому она не могла этого сделать.

Теперь, на грани нервов, Камидзе тяжело вздохнул.

Похоже ему нужно побыть более серьёзным.

- Так вот к чему ты ведёшь?

- Да, я тот тип, что легко доставит неприятности другим людям, особенно тебе, тому, кто несколько раз нёс из-за меня бремя. Я чувствую себя виноватой каждый раз. Кроме того, на этот раз проблема возникла не только у меня, но и у всей секты Амакуса.

- Оооо... но почему ты так беспокоишься? Кроме того, проблема между «нами» решена, и никто не пострадал.

Услышав это, Канзаки была поражена.

Она моргнула и спросила:

- Мы, о которых ты говоришь, это...?»

- Эм? Это я и Амакуса. Ах, и Англичанцы. Включая Орсолу, Индекс и Стейла, и вас – всех, кто в этом замешан.

- ...

Канзаки оказалась ошеломлена.

Казалось будто кто-то перед ней решил неразрешимый вопрос.

- С чего ты так удивлена? Будь то Британия, Рим или любая другая проблема, я, как посторонний, считаю, что тут всё одинаково. Для меня, глупого и невежественного ребенка, группа ничего не значит.

Напротив, Камидзе без колебаний продолжал пылко и уверенно.

Как будто он думал, что вопрос настолько прост, что не стоит так ломать себе голову.

- Я не помогаю Индекс ради Англиканской Церкви, а скорее помогаю Англиканской Церкви из-за Индекс.

В этот момент стало слышно, как кто-то бежит по коридору.

Камидзе подумал, что это может быть Индекс.

Как бы объявляя свою собственную позицию, он продолжил:

- В следующий раз, если Агнес попросит меня о помощи, я должен буду помочь ей. На этот раз она стала «плохим парнем». Но однажды быть «плохим парнем» не значит, что она навсегда останется «плохим парнем».

Камидзе остановился, улыбаясь.

Удивлённая Канзаки показала беспомощную улыбку.

Может быть мировоззрение Камидзе Тоумы было слишком простым, слишком глупым.

Но из-за этого он никогда не растеряется.

Вообще.

В Англии нет дождливого или сухого сезона, так как погода там непредсказуема в течение всего года. В Англии погода может меняться каждые четыре часа; это – общеизвестно. Даже если бы сейчас стояла хорошая погода, многие пешеходы носили бы с собой свои зонтики.

В Лондоне шел дождь с вечера. Но граждане не отменяют свои планы на открытом воздухе из-за дождя. Множество разноцветных зонтиков шныряло туда-сюда на узкой улице.

Стейл Магнус и Лаура Стюарт шли бок о бок через морозящий дождь, похожий на влажный туман. Стейл держал черный зонт, напоминавший летучую мышь, в то время как Лаура держала красивый белый зонт с золотыми линиями сверху, похожий на чашку красного чая.

- Если ты просто возвращаешься в Ламбет Палас, почему бы тебе не вызвать шофера за собой?
- Те, кто ненавидит дождь, не должны оставаться в этом городе.

Зонт, которым Лаура радостно кружила, сказала это. Это было очевидно предубеждение. Кому-то, как Стейл, не понравится такой «сопливый» туман. Даже если бы он поднял зонт, его одежда была бы мокрой, да и сигарета тоже намокла бы; так что нет смысла его поднимать.

Стейл посмотрел на кончик сигареты, который не мог загореться, и вздохнул.

Прямо сейчас Лаура шла по дороге домой. Стейл только что догнал ее, намереваясь использовать эту возможность, чтобы дать окончательный отчет. Архиепископ Англиканской Церкви, который находился перед ним, казалось, очень наслаждался своей свободой, так как время входа и выхода из Собора было довольно гибким. Ей не нравилось оставаться на одном месте, поэтому даже сообщения о миссии или тактические встречи обычно проводились на ходу.

Стейлу приходилось предотвращать нападение врага или подслушивание каждый раз, когда Лаура шла по дороге, и это действительно утомляло. Как и в этот раз, два зонта, которые они держали, были специально модифицированы таким образом, чтобы у них были возможности телефонных будок. Голоса обоих могут передаваться через вибрации зонтиков, и эти «голоса» не будут выходить за пределы «зон», покрытых зонтиками.

- Итак, в основном, так и прошла эта миссия. Римская Католическая Церковь, похоже, восприняла это как акт, совершенный Агнес Санктис и 250 боевиками. Римская Католическая Церковь заявляет, что группа сделала это самостоятельно, и что они не собираются убивать Орсолу.

- Разве они не должны взять на себя ответственность за плохое управление своими людьми?

Лаура горько рассмеялась, поиграла пальцами со своими волосами. Ее шелковистые волосы испускали ощущение торжественного изящества, и как только они намокли, они излучали ощущение чувственной красоты.

Стейл посмотрел на Лауру, сказав:

- ...Есть ли необходимость делать это?

- Хохо, ты имеешь в виду, что я принимаю Орсолу Аквинас и Амакуса, как официальных членов Англиканской Церкви? Тебе очень не нравится это решение, Стейл?

- Поскольку Римская Католическая Церковь официально заявила, что «не намерена убивать или ранить Орсолу или кого-либо из причастных», даже если они не были бы защищены нами,

Римская Католическая Церковь, вероятно, не посмеет принять меры против них. В нынешней ситуации, если они умрут неестественной смертью, это вызовет серьезную проблему в глобальном масштабе.

- Но что, если они умрут по очень естественным причинам?

Лаура изобразила варварскую улыбку, похожую на пиратскую. Огромная разница между ее внешностью и выражением лица ошеломила Стейла.

- Размышляя об этом сейчас, вы, кажется, уже поняли истинные намерения Римской Католической Церкви. Если так, то почему вы не приказали мне спасти Орсолу Аквинас от Римской Католической Церкви? Почему мне пришлось делать это окольным путем?

- Я не совсем это понимаю. Даже я не ожидала, что метод Орсолы окажется неправильным.

Лаура немного помолчала и продолжила:

- Однако это не важно.

Стейл обернулся, чтобы посмотреть на Лауру.

Лаура покрутила свой белый зонт и сказала:

- Давайте подумаем об этом сценарии, Стейл. Если бы мы не смогли спасти Орсолу в этой ситуации, произошли бы какие-то изменения? Когда она вернулась бы в Римскую Католическую Церковь, её всё равно бы казнили. Независимо от того, удалось бы нам спасти ее или нет, Книгу Закона так и не расшифруют.

Лаура сделала свой вывод:

- Значит, все равно, спасли мы ее или нет.

Судьба Орсолы была тривиальной вещью.

Стейл слегка вздохнул и сказал:

- Если это так, то почему архиепископ приказал мне передать крест Орsole? Исходная ситуация и так весьма удручает, но вы нагрузили меня ещё больше. Хотя вы не собираетесь это признать, вы планировали спасти Орсолу с самого начала, верно?

- Ууу ...

- Несколько странно, что подкреплений слишком мало. Может быть, большинство членов Несессариус пребывали в режиме ожидания у Японского моря, так что у вас не оставалось сил на поддержку меня? Если бы Агнез и ее группа попробовали доставить Орсолу обратно в Рим на корабле, люди, стоящие на поверхности воды, использовали бы что-то, связанное с «крестом», в качестве предлога для начала атаки. Есть ли что-то смущающее в этом, что заставляет вас отказываться признать это? Я действительно не понимаю вас.

- Мм ммм! Враки! Враки! Я вмешалась в это только ради пользы Англиканской Церкви!

Лаура была настолько смущена, что ее лицо собиралось выпустить дым, пока она отчаянно пыталась отрицать это. Стейл не стал спорить. Один только крик смутил Лауру ещё больше и теперь ее лицо горело красным.

- Хорошо, тогда в чём выгода, о которой вы говорите?

- ...Я так легко тебя убедила? Это Канзаки Каори.

Лаура скривила рот:

- После этого инцидента, я полагаю, вы узнали, что Канзаки обладает большой властью и её чувство морали слишком сильное, поэтому ей было бы легко предпринять произвольные действия. Несмотря на то, что неудач не возникло, ситуация все еще опасна. Нужно надеть на нее цепь ради безопасности всех.

Циничная улыбка Стейла исчезла.

Лицо Лауры тоже неосознанно стало серьезным.

- Мы не можем использовать насилие, чтобы остановить ее действия – нет, мы все еще можем остановить ее, но за это придется заплатить высокую цену. Я полагаю, вы видели сообщение о том, что случилось с этими глупыми рыцарями на побережье Японии.

Стейл вспомнил сообщения других групп.

Двадцать один рыцарь в полной броне планировал самостоятельно атаковать членов Амакуса, но были атакованы кем-то неизвестным, так что в настоящее время они не могут сражаться.

- Итак, нам нужно что-то кроме насильственного метода, чтобы сковать ее цепью. В этой ситуации «прокладка» между ней и Амакусой окажется весьма полезной. Кроме того, нам не нужна вредная собака на цепи, по типу «Мы убьем их, если вы не будете подчиняться нам», а скорее положительная, например: «Мы защитим их от Римской Католической Церкви, если вы будете подчиняться нам». Если мы попробуем заставить Амакуса сделать что-то, что им не выгодно, Канзаки определенно будет сопротивляться; если то, что мы делаем, выгодно

Амакусе, она вообще не будет сопротивляться. Итак, как это не огромная выгода?

Теперь, когда она закончила, Лаура показала лучезарную улыбку, но сердце Стейла похолодело.

Лаура Стюарт. Хотя на первый взгляд она выглядела как наивная девушка, она все еще являлась лидером Англиканской Церкви и даже хладнокровным менеджером, который обманывал Индекс.

Она была той, кто установил правило, что «нужно стирать память каждый год».

Она была той, кто всегда заставлял Индекс находится под защитой Англиканской Церкви, иначе она не выживет.

Она была той, кто солгал, что это добро во благо Церкви, чтобы предотвратить восстание Индекс.

Она была той, кто даже сказал Стейлу и другим, что Индекс умрет, если этого не сделать, что сделало их неспособными не повиноваться.

Никто не превзойдёт её в манипулировании человеческими чувствами, рациональностью, интересами, этикой и «необходимыми ценностями». Стейл не мог не быть настороже рядом с этой девушкой. Проблема заключалась в том, что Стейл не мог ничего сделать. Если Стейл предпримет какие-то необдуманные действия, Лаура без колебаний накажет Индекс, а не Стейла; такой она человек.

Бам!

Плечо Стейла ударилось о пешехода.

Казалось, что это студент пытающийся протиснуться между Стейлом и Лаурой.

Стейл обернулся, но обнаружил, что Лаура исчезла!

Магическая связь, связывающая два зонта, пропала.

Стейл лихорадочно огляделся, прежде чем, наконец, заметил, что далеко, кружился белый зонт в золотую полоску.

Он понятия не имел, как она это сделала.

Пока он размышлял над этим, белый зонт затерялся в толпе.

- ...

Стейл, которым так манипулировали, не мог не сглотнуть.

Скрытый дракон среди магов, она каким-то образом смогла добраться до вершины, и это дорогого стоило.

У Стейла по спине снова пробежали мурашки.

В то же время, однако, у него возник вопрос.

Причиной спасения Амакуса стала возможность контроля Канзаки Каори.

Он мог это понять.

Так в чем же причина спасения Орсола Аквинас?

Вот этого он понять не мог.

Так как метод расшифровки «Книги Закона», найденный Орсолой, оказался неправильным, почему они приняли ее как члена Англиканской Церкви? Даже если бы они спасли Орсола, они никак не могли контролировать кого-то вроде Канзаки. Хотя послужной список Орсола в евангелизации был довольно впечатляющим, так что ее именем даже назвали новую церковь, ей не хватало харизмы, и она не могла руководить группой или организацией, подобно Канзаки. Если бы у Орсола была харизма, Римская Католическая Церковь не осмелилась бы заговорить против нее, потому что такое действие вызвало бы насилие или даже беспорядки!

- ...Эта хитрая женщина. - неохотно цокнул Стейл Магнус.

Если бы он мог догадаться о реальной выгоде спасения Орсола Аквинас, Стейл посчитал бы Лауру плохим человеком. Но тут Лаура сработала блестяще. Основания для суждения о том, добра она или зла, не хватало – скорее, она сделала столько же хороших вещей, сколько и злых. На балансе добра и зла она сохраняла сложное равновесие.

Равновесие сохранялось, не переходя ни на одну из сторон, поэтому, конечно, было невозможно определить, являлась ли она доброй или злой, даже если с обеих сторон поставить свинцовые грузики.

Стейл был не в состоянии принять решение и мог только продолжать работать на

Англиканскую Церковь.

«Может быть, в этом ее мотив», – подумал рунический маг, исчезнув на туманной улице.

<http://tl.rulate.ru/book/9862/187531>